

*Посвящается моей матери
&
всем матерям*

ОДИН

Когда она сама себя назвала ночной сучкой, это была, конечно, добрая безобидная самоирония — потому что такой она была женщиной, с чувством юмора, умеющей посмеяться над собой, несколько не похожей на чопорных или чересчур ранимых дамочек, неспособных разглядеть смешное там, где можно разглядеть оскорбление, — но вскоре после того как она впервые так себя назвала, она обнаружила у основания шеи полоску пробивавшихся жестких черных волос и спросила себя — какого хрена?

Похоже, я превращаюсь в собаку, сказала она мужу спустя неделю, когда он вернулся домой на выходные из очередной командировки. Он рассмеялся, она — нет.

Она надеялась, что он не станет смеяться. Надеялась, что после того как она целую неделю ночами лежала в постели без сна, мучаясь мыслями, не становится ли она собакой, муж, услы-

шав эти слова, по крайней мере, наклонит голову вбок и попросит пояснить. Она надеялась, что он всерьез воспримет ее переживания. Но как только она произнесла фразу вслух, то поняла — это невозможно.

Нет, правда, сказала она. У меня на шее растут странные волосы. Она собрала свои нормальные волосы в хвост, подняла повыше, чтобы показать ему черную полоску. Он потер эту полоску пальцами и сказал — ого, да, ты самая настоящая собака.

Откровенно говоря, растительности у нее и впрямь прибавилось. Непослушные кудри вились над ее головой пушистым облаком, роem ос. Брови ползли по лбу неприятными толстыми гусеницами. Она даже заметила на подбородке два кудрявых черных волоска. При определенном освещении — что уж там, при любом освещении — вновь становились видны усы, лазерная коррекция не помогла. И всегда ли у нее были настолько волосатые руки? Доходила ли линия роста волос до краев челюстей? И нормальным ли был тот факт, что на ногах, внизу, волосы росли целыми пучками?

Да ты взгляни на мои зубы, сказала она, открыв рот и указывая на клыки. Она не сомневалась, что они выросли, а кончики заострились так, что о них можно было порезать палец. Да

она его в самом деле чуть не порезала во время вечернего осмотра в ванной. Теперь каждый вечер, пока муж был в разъездах, а сынишка в пижаме радостно играл с паровозиками, она стояла у зеркала и оттягивала губы, наклоняла голову туда-сюда, а потом откидывала назад и смотрела на зубы снизу вверх. Затем искала в Интернете фотографии собачьих зубов и сравнивала с ними свои собственные, убеждала себя, что занимается ерундой. Потом искала людей с собачьими зубами, искала исследования на тему, имеют ли люди и собаки общего предка, искала, могут ли существовать гибриды животных и людей и бывают ли у людей рецессивные гены животных, искала истории оборотней, потом — что довольно нелогично — истории ведьм, потом — что довольно логично — признаки истерии, а потом, потому что ей так хотелось, искала лечение покоем и «Желтые обои»¹, и перечитывала «Желтые обои», которые читала в колледже, и, сидя на унитазах, тупо смотрела куда-то в никуда, и обрывала поиски.

Потрогай, велела она, указывая на зуб. Муж коснулся кончика ее клыка указательным пальцем, вскрикнул — ой! — и отдернул руку. Да я

¹ Феминистская новелла Шарлотты Перкинс Гилман (1892).

Рейчел Йодер

шучу, добавил он, поднося к ее лицу нетронутый палец и помахивая им. Такой же зуб, как и всегда. Вечно ты думаешь, будто с тобой что-то не так, добавил он мягко.

Ее муж был инженером. Специализировался в области контроля качества. Что именно это означало, она не могла точно сказать. Осматривал приборы, делая выводы, эффективно ли они работают? Настраивал системы, чтобы они гудели на более высоких частотах? Читал отчеты и вносил предложения по улучшению? Может быть. Какая разница.

Что она точно знала — у него не было времени на чувства, на снисходительное отношение к ее предчувствиям, и он смеялся над тем, что не было подкреплено рецензируемыми научными исследованиями или статистикой. Но в целом он был хорошим, заботливым и приятным человеком, и она очень его ценила, несмотря ни на что. К тому же она была склонна к нерешительности, часто в мыслях возвращалась к своим решениям, которые приняла, руководствуясь чутьем, а потом стала чувствовать иначе. Она была склонна тревожиться, волноваться, ощущать, как сердце в груди вот-вот взорвется. Она горячилась. Она жужжала. Ей постоянно нужно было либо чем-то заняться, либо лечь и спать. А вот ее мужу этого совсем не требовалось.

Поэтому неудивительно, что она слушалась его советов, его здравых мыслей, уравновешенных слов инженера. И конечно, с ней все было в порядке. Она сказала это себе, когда они лежали в кровати, а между ними спал ребенок, зажав ножкой пальцы ее ноги.

Думаю, я лучше лягу в гостиной, шепнула она мужу.

Почему? шепнул он в ответ.

Я становлюсь такая злая. По ночам.

Он ничего не ответил, и она добавила — наверное, мне просто нужно как следует выспаться.

Хорошо, сказал муж.

Она бесшумно выбралась из кровати, спустилась по лестнице, накрыла чистыми простынями диван в гостиной. Потерла полоску черных волос на шее, чтобы успокоиться, провела языком по острым краям зубов. И провалилась в глубокий, спокойный сон.

КОГДА-ТО ЭТА МАТЬ БЫЛА МАТЕРЬЮ, но как-то ночью она внезапно стала кем-то другим.

Да, был июнь, и да, ее муж только что вернулся домой. Собственно говоря, это был его двадцать второй отъезд за их совместную жизнь — не то чтобы кто-то считал. Да, у мальчика болели уши, и он спал урывками. Да, он плохо спал или же не спал вовсе.

Да, она впервые за все свои тридцать семь лет ощущала ярко выраженный ПМС.

И это случилось именно тогда, в пятницу, глубокой ночью, когда мальчик проснулся в родительской кровати между матерью и отцом, потому что он не спал — не хотел спать — в своей. Он проснулся уже третий или четвертый раз за ночь. Она сбилась со счета.

Сначала она ничего не делала, просто ждала, пока проснется муж, но он не проснулся, потому что никогда в это время не просыпался. Она ждала дольше, чем обычно, ждала и ждала, мальчик скулил, а она лежала, не шевелясь, как труп, терпеливо ожидая того дня, когда чудесным образом воскреснет и перенесется в Королевство Избранных, где впишется в удивительную художественную инсталляцию, состоящую из множества эстетически интересных кроватей. Этому трупу не нужно будет заботиться о ребенке, труп сможет болтаться где угодно, посещать любые открытия фестивалей и пить трупное вино с другими трупами, когда захочет, потому что это и есть рай. Вот и все.

Она лежала так долго, как только могла лежать без движений, без звуков. Детские крики раздували в ее груди пламя гнева. Одинокое, раскаленное добела пламя в центре ее собственной тьмы, пламя, из которого она рождала нечто

новое, как умеют все женщины. Каждая девочка зажигает в себе огонь. Поддерживает его, ухаживает за ним. Защищает любой ценой. Не позволяет пламени разгораться слишком ярко, потому что для девушки это неприлично. Никому о нем не рассказывает, но помогает ему гореть. Смотрит в глаза другим девушкам, видит, как там мерцают их костры, заговорщически кивает, но никогда не говорит вслух о почти невыносимой жаре, грозящей перерасти в пожар.

Все женщины бережно хранят в себе огонь, потому что, если они не будут его хранить, они останутся в холоде, в одиночестве, обреченные зависеть от погодных условий, от соображений практичности, от «такой уж природы вещей», обреченные улаживать, понимать, соглашаться, видеть иначе, и видеть как полагается, и видеть как угодно, но не так, как они видят на самом деле.

И, услышав крик мальчика, этот высокий, режущий звук, она из-под закрытых век увидела пламя. Оно задрожало в невидимом воздухе, тут же вспыхнуло и ослабло, застыло и с грохотом ударило ее в грудь, глубоко в живот, подожгло изнутри.

Быыыыгrrrrrrро гrrrrrrрать, прохрипела она, полусонная, пьяная от сна. Пыталась что-то сказать — видимо, «быстро спать», но